

**ТРАНСФОРМАЦИИ ПОЛИТИКО-ПОВЕДЕНЧЕСКИХ И
МЕНТАЛЬНЫХ УСТАНОВОК РОССИЯН НА ФОНЕ
КРИЗИСНЫХ ЯВЛЕНИЙ 2022 ГОДА**

ЕВДОКИМОВ Николай Анатольевич,
кандидат политических наук, доцент
кафедры политологии и связей с об-
щественностью, Уфимский универси-
тет науки и технологий, адрес:
450076, Россия, г. Уфа, ул. Заки Ва-
лиди, д. 32, e-mail: rodina_ki-
rovo@mail.ru

Author ID (РИНЦ): 678929

ШАЯХМЕТОВ Арсен Маратович,
научный сотрудник Научно-исследо-
вательского и информационного цен-
тра. Башкирская академия государ-
ственной службы и управления при
Главе Республики Башкортостан, ад-
рес: 450008, Россия, г. Уфа, ул. Заки Ва-
лиди, д. 40, e-mail: amsha-
yakhmetov@gmail.com

Author ID (РИНЦ): 791145

Аннотация. *Цель* исследования: анализ трансформаций политико-поведенческих и ментальных установок россиян на фоне кризисных явлений 2022 года.

Пребывая в условиях перманентных соци-
ально-экономических кризисов (четвертый за по-
следние 14 лет), российское общество показывает
высокую адаптивность к подобного рода измене-
ниям. События этого года значительно отрази-
лись на социально-экономическом состоянии об-
щества, вследствие чего была пересмотрена эко-
номическая модель страны, значительное число
соотечественников покинули Россию, а социум по-
ляризировался в оценке текущих событий и пер-
спектив развития. Методы исследования: с января
по декабрь 2022 года авторами были проведены
10 фокус-групповых исследований в ПФО и ЦФО,
фиксирующих в ежемесячном формате настрое-
ния и ментальные установки россиян. Каждая фо-
кус-группа была сформирована по социально-де-
мографическому принципу (представители жен-
ского и мужского пола разных возрастных и про-
фессиональных групп в относительно равной про-
порции). В результате структурированы основные
изменения в поведенческих установках россиян
под воздействием кризисных явлений.

Ключевые слова: фокус-группа, кризис, поли-
тико-поведенческие установки, ментальность,
изоляция, специальная военная операция (СВО),
психоэмоциональное состояние, политико-психо-
логический анализ, возрастные особенности, по-
литическое восприятие, политическое доверие.

Цит.: Евдокимов Н.А., Шаяхметов А.М. Трансформации политико-поведенческих и менталь-
ных установок россиян на фоне кризисных явлений 2022 года // Среднерусский вестник обще-
ственных наук. – 2022. – Том 17. – № 6. – С. 124-138.

**TRANSFORMATIONS OF POLITICAL BEHAVIORAL AND MENTAL
ATTITUDES OF RUSSIANS IN THE BACKGROUND OF THE 2022 CRISIS**

EVDOKIMOV N.A., Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Political Science and Public Relations, Ufa University of Science and Technology (Russian Federation, Ufa), e-mail: rodina_kirovo@mail.ru

SHAYAKHMETOVA M., Researcher of the Research and Information Center, Bashkir Academy of Public Administration and Administration under the Head of the Republic of Bashkortostan (Russian Federation, Ufa), e-mail: amshayakhmetov@gmail.com

Abstract. The purpose of the study is to analyze the transformations of the political-behavioral and mental attitudes of Russians against the backdrop of the crisis in 2022.

Living in conditions of permanent socio-economic crises (the fourth in the last 14 years), Russian society shows high adaptability to such changes. The events of this year had a significant impact on the socio-economic state of society, as a result of which the economic model of the country was revised, a significant number of compatriots left Russia, and the society became polarized in assessing current events and development prospects. Research methods: from January to December 2022, the authors conducted 10 focus group studies in the Volga Federal District and the Central Federal District, recording the moods and mental attitudes of Russians in a monthly format. Each focus group was formed according to the socio-demographic principle (female and male representatives of different age and professional groups in a relatively equal proportion). As a result, the main changes in the behavioral attitudes of Russians under the influence of crisis phenomena are structured.

Keywords: focus group, crisis, political behavioral attitudes, mentality, isolation, special military operation (SMO), psycho-emotional state, political and psychological analysis, age characteristics, political perception, political trust.

For citations: *Evdokimov, N. A., Shayakhmetov, A. M. (2022) Transformation of political behavioral and mental attitudes of Russians in the background of the 2022 crisis // Central Russian Journal of Social Sciences. – Volume 17, Issue 6. – P. 124-138*

Оценка социально-экономической ситуации в стране

Начиная с *февраля 2022 года* в фокусе внимания респондентов, помимо наблюдения за международной повесткой, оказалось социально-экономическое положение страны. Респонденты выражали очевидную обеспокоенность складывающейся ситуацией (рост цен, введенные санкции, международная изоляция), ожидая экономических потрясений и для страны, и для себя лично. Особую тревогу вызывало сокращение заработной платы (*«Моя зарплата за последние несколько дней сократилась на 20–30 %»*), утрата ощущения стабильности и сужение возможностей для личностного развития и инвестирования (*«Люди волнуются», «Перестали вкладываться в развитие, недвижимость»*). При этом в среднесрочной перспективе респонденты предполагали, что государство будет искать способы стабилизации ситуации (*«Может, введут регулирование цен на основные продукты»*), но мнение о том, что кризис надолго, высказывался всеми участниками фокус-групп.

В качестве последствий кризиса респонденты видели рост инфляции, социально-экономическую депрессивность на ближайшие годы, всплеск преступности, но проявляли и сдержанный оптимизм (*«За кризисом следует новый рост», «Кризис еще и время возможностей»*).

Респонденты старшего возраста оценивали санкционную политику других государств как временное явление, вызванное страхом перед Россией. Опрашиваемые среднего возраста и молодежь рассматривали политику импортозамещения скептически (*«Опять заменят одно пальмовое масло на другое»*), считая, что страна должна стремиться к сотрудничеству с другими странами, а не изолироваться от них.

Значительное разочарование вызвали изменения в визовой политике и ограничение въезда в другие страны для россиян, поскольку это затрагивает свободу передвижений, туризм, бизнес, коммуникации с близкими, которые проживают либо обучаются за границей (*«Я против закрытия туристических направлений», «У кого-то друзья, у кого-то дети там, как теперь быть?»*). При этом выход/исключение России из международных организаций не находится в фокусе внимания респондентов – последствия таких институциональных изменений не выглядят существенными. Вместе с тем звучали мнения и том, что невозможность въехать в страны Европы или США не является для них принципиальной: за границу выезжать они не планировали.

По итогам *мартовской* фокус-группы наблюдается некоторое смягчение пессимизма в отношении экономических перспектив. При этом общие оценки не изменились – респонденты по-прежнему находились

в ожидании значительных экономических сложностей, но выражали готовность к их преодолению («*Всё переживем*», «*Катастрофы не случилось*», «*Работа на производстве или в сельском хозяйстве всегда найдется*»). Примечательно, что жители малых городов показали большую адаптивность, молодёжь из мегаполисов характеризовала обстановку как катастрофичную, сравнивая ситуацию в стране с «Титаником».

В *марте* в общественном дискурсе активизировалась тема санкций стран Запада в отношении России. Все респонденты отметили, что они станут чувствительными для экономики. Среди последствий санкционной политики как наиболее ожидаемые назывались рост безработицы, инфляция и дефицит некоторых категорий товаров. Практически все респонденты рассматривали санкционную политику как возможность для импортозамещения и роста для российской экономики («*Будет и инфляция, и безработица, но постепенно всё встанет на свои места*»).

При этом к самому импортозамещению респонденты высказали настороженное отношение. Наиболее перспективным направлением для замещения импорта, по мнению фокус-группы, стало сельское хозяйство и производство продуктов питания. Здесь есть успехи и сложившиеся традиции производства, но может случиться дефицит удобрений и семян. Перспективы проведения импортозамещения в машиностроении, авиастроении, производстве электроники и бытовой техники вызвали сомнения. Нехватка инноваций в российской экономике и утопичность идеи заместить весь импорт может иметь следствием усиление архаизации и технологический откат на несколько десятилетий («*Страна тысячами нитей связана с мировой экономикой*», «*Такое «импортозамещение» приведет к выпуску автомобилей и техники полувековой давности*»).

Уход зарубежных компаний из России вызвал неоднозначную реакцию среди респондентов. Половина участников (среднего и старшего возраста) фокус-группы выступила с поддержкой этого решения. Во многом на это повлияли озвучиваемая перспектива национализации организаций, замещение иностранного капитала отечественным [1]. Это благоприятно укладывается на перманентное недовольство итогами приватизации 90-х, воспринимается как своего рода народный реванш. При этом среди респондентов старшего возраста о переходе собственности отрицательно отозвался только один респондент. Молодёжь в целом раздосадована уходом иностранных компаний, поскольку с ними связано много приятных ассоциаций («*ИКЕА – это же наше всё*

только хотели делать ремонт», «Coca-Cola и McDonald's – это не просто наше детство, встречи с друзьями, но и ощущение общности с миром», «Как раньше, придется из-за границы привозить элементарные товары»).

В апреле 2022 года все участники фокус-групп ощутили рост цен, ухудшение социально-экономической ситуации в стране и в своих семьях, снижение товарного разнообразия. Представители старшего поколения активировали паттерны выживания, начали запасаться продуктами и товарами, чьи производители заявили об уходе из России.

Особое опасение вызвал дефицит автомобилей и автозапчастей. При этом четкого представления о мерах поддержки правительства в обществе нет: половина респондентов слышала о них, но на себе эффекта не ощутила (*«Ожидая, чтобы помощь была пенсионерам, многодетным, малоимущим, но мало об этом знаю»*). Это свидетельствует о том, что господдержка носит, скорее, PR-характер – проводится масштабная информационная кампания без конкретизации принимаемых мер.

К маю ситуация стабилизировалась и в экономике, и в настроениях граждан. Участники фокус-групп отмечали, что руководство страны в целом справляется с вызовами (*«В первые дни удар был сильный, но сейчас всё стабилизируется. Многие компании начинают возвращаться в Россию»*). По оценке экономического географа Натальи Зубаревич, общество в мае – августе абстрагировалось от спецоперации, предприняв попытки «нормализации» жизни, возвращения к прежним поведенческим привычкам [2]. При этом респонденты сетовали на то, что продолжается рост цен, несмотря на выравнивание курса валют, а рынок деградирует – люди стремятся сэкономить и отложить средства, а не потратить.

Риск сужения товарного разнообразия плотно стал ощущаться в июне – июле 2022 года. Респонденты почувствовали дефицит лекарств зарубежного производства, электроники и бытовой техники, автомобилей. Следствием этого вкупе с ростом цен стал вынужденный переход на более дешевый и менее качественный сегмент товаров, ограничение в потреблении, экономия на всём (*«С продуктами хорошего качества начались проблемы»*). Вновь актуализировался вопрос создания запасов исчезающих с полок видов продукции (40 % респондентов). При этом ассортимент запасаемых товаров варьируется от импортного кофе до вполне стандартного набора из соли и спичек.

В сентябре – декабре рост цен в большей степени начал ощущаться не только на продукты, но и на проезд в транспорте, услуги ЖКХ, топ-

ливо и другие базовые категории товаров и услуг. Вслед за ростом инфляции и исчерпанием запасов импортной продукции, купленной по докризисным ценам, начали «индексироваться» и цены на другие товары, а также услуги. При этом респонденты отмечают собственную адаптивность к новым условиям – использование различных промоакций, спецпредложений и скидок в супермаркетах позволяют покупать продукты по приемлемым ценам.

Оценивая перспективу социально-экономической ситуации в стране, респонденты единодушны в том, что в горизонте 3–5 лет восстановления экономической ситуации в стране не ожидается. В среднесрочной перспективе (10–20 лет) опрошенные граждане предполагают восстановление экономики до докризисных значений и возвращение прежних темпов роста за счет продажи природных ресурсов и активности молодого поколения.

Примечательно, что 80 % респондентов заявляют о том, что готовы терпеть временные экономические и бытовые трудности ради успешного завершения СВО. Успешность кампании рассматривается как основной фактор и главное условие восстановления и дальнейшего развития экономики страны, при этом высокие расходы на ВПК и дальнейшие издержки от проведения СВО не рассматриваются участниками фокус-групп как существенные факторы – респонденты не ставят знак равенства между ухудшением экономической ситуации и продолжением СВО. Молодежь и старшее поколение склонны отдавать приоритет успешному завершению СВО для перехода к восстановлению экономики, а респонденты среднего возраста считают, что решение экономических проблем необходимо уже здесь и сейчас.

Отношение к проводимой специальной военной операции

Мартовские фокус-группы выявили общую апатию респондентов, растерянность от процессов, происходящих на внешнеполитическом контуре.

Вместе с тем в поиске ответов на свои вопросы респонденты склоняются к официальной точке зрения российского руководства. В целом, выражая неприятие насилия и непонимание необходимости проведения операции в силовом формате, 87 % участников фокус-групп сошлись во мнении, что она стала вынужденной и необходимой в нынешних условиях акцией, а виновной стороной была названа Украина (*«Это вынужденная мера, Россия защищает себя», «Я долго не понимал, зачем мы туда ввязались, но в последние дни я лучше изучил ситуацию*

и пришёл к выводу, что Украина сама виновата»). Аргументация участников фокус-групп на протяжении всего года совпадала с транслируемыми тезисами государственных СМИ – о возможности нападения НАТО, необходимости защиты жителей Донбасса, демилитаризации Украины, возвращения территорий в состав России. Такое мнение артикулировала и молодёжь, и люди средних лет. Тем не менее все без исключения опрошенные высказали пожелание скорейшего завершения конфликта.

Обосновывая решение российского руководства о признании регионов Донбасса в качестве независимых государств, респонденты апеллировали к прецеденту Косова, независимость которого в конечном итоге признана большинством стран. Оппонирующий респондент заявлял о недопустимости вмешательства во внутренние дела другого государства, опасности спекуляций вокруг применения ядерного оружия, приводя в пример уважение стран Запада к территориальной целостности России в ходе чеченского конфликта.

Настроения о быстрой и безоговорочной победе России, которые разделяли все респонденты, уже через месяц сменились осознанием затяжного течения международного конфликта (*«может и год, и несколько лет продолжаться», «взаимонеприятие продлится минимум три поколения»*). Участники фокус-групп сообщали об отсутствии понимания четких целей и задач спецоперации (*«Зачем мы должны проводить денацификацию? Это должны делать сами украинцы, мы можем только поддержать»*).

Майские и июньские фокус-группы фиксируют смещение фокуса по основным целям СВО. До половины респондентов обозначали приоритетность обеспечения безопасности России, остальные затруднялись с ответом на этот вопрос. В аргументации опрошенных защита страны стала главным аргументом в пользу необходимости идти до конца в рамках кампании либо заключать мирное соглашение на условиях России. Прежние цели СВО отошли на второй план, границы денацификации стали размываться.

К середине лета отмечается значительное снижение интереса общества к спецоперации – за её ходом стали мало следить, концентрируя внимание на адаптации к новым условиям, нормализации жизни. Вместе со снижением интереса стали появляться сомнения в успешности хода СВО, представление о целях СВО стало размываться. Понимание целей и задач спецоперации фрагментировалось до трех тезисов – помощь людям Донбасса (25 %), реализация политических амбиций и попытка возврата земель бывшей Российской империи и СССР (33 %), остальные

участники затруднились ответить.

Изменилось и отношение граждан к дальнейшему ходу спецоперации – 75 % респондентов стали придерживаться точки зрения, что скорейшее завершение конфликта через мирные переговоры было бы наиболее оптимальным выходом из международного конфликта (*«Худой мир, лучше доброй ссоры. Из-за спецоперации столько семей пересорились»*), 25 % – сохраняли настрой на борьбу либо выступали за полную капитуляцию Украины или за полную независимость регионов Донбасса. По присоединению территорий Херсонской и Запорожской областей у респондентов не было четкой позиции: полностью такую возможность поддержал один респондент, остальные ссылались на дополнительную экономическую нагрузку на федеральный бюджет.

Проведение частичной мобилизации в сентябре – октябре 2022 года, а также радикализация освещения хода спецоперации вновь привлекали внимание россиян к освещению этих событий – все без исключения респонденты заявили о том, что пристально следят за событиями вокруг СВО. С этим может быть связана и радикализация настроений россиян в отношении к дальнейшему ходу СВО: усталость, апатия и возрастающая угроза для их семей актуализировали запрос на интенсификацию ракетных обстрелов Украины для достижения перелома в ходе спецоперации и форсированного завершения СВО (*«Это позволило бы ускорить победу и сохранить жизни наших солдат»*). Ответственность за жертвы среди мирного населения опрошенные возлагают на несговорчивость Украины и называют неизбежным следствием стремления России обезопасить свои приграничные регионы от различных диверсий ВСУ (*«Жертвы среди мирных людей неизбежны, но Украина сама в этом виновата, поскольку регулярно обстреливает территорию нашей страны, уничтожает мосты, деревни в Курской и Белгородской областях»*).

Отъезд за границу страны граждан России

Резонансной темой осени стал отъезд за рубеж многих представителей творческой интеллигенции, IT-специалистов, граждан, несогласных с частичной мобилизацией. Респондентам задавались вопросы об их отношении к мигрировавшим соотечественникам, а также об их понимании термина «патриотизм». Прямую зависимость между любовью к Родине и безусловной поддержкой руководства страны проследил лишь один респондент. Остальные называли патриотами тех соотечественников, которые проявляют стремление улучшить жизнь страны, и прежде всего малой родины – места своего рождения и становления.

К уехавшим за границу соотечественникам отношение куда более сложное. Традиционно в России на бытовом уровне это осуждается и считается проявлением конформизма. К покинувшим страну из-за частичной мобилизации мужчинам респонденты преимущественно предъявляют требование воздержаться от критики нынешней внутренней и внешней политики страны, в таком случае их отношение скорее понимающее и сочувствующее. С категорическим осуждением выступили лишь два респондента, маркируя уехавших «предателями». Более сложное отношение к отбывшим за границу знаменитостям и лицам, признанным Минюстом РФ «иностранными агентами»: респонденты уверены в их корыстных мотивах и нежелании быть «вместе с народом», отсутствии социальной ответственности перед страной (*«Это персонажи, которые работают на того, кто им больше заплатит. Я бы таких людей на порог не пускала или очень жёстко ограничила. Я, конечно, против ГУЛАГа, но иногда такие меры устрашения, наверное, нужны»*). Использование государством маркировки, характерной для сталинского режима, вызывает у людей и соответствующие ассоциации по применению к ним репрессивных инструментов. В целом респонденты считают, что каждый случай надо рассматривать индивидуально (*«Дело зависит от конкретного случая. Но если человек покинул Россию, это не обязательно значит, что он предатель. У него могут быть другие взгляды на то, как должно развиваться наше общество»*).

Ценностные ориентации

Респонденты сошлись во мнении, что Россия – это не Запад, но и не Восток, а особая цивилизация со своим уникальным путём развития. При этом среди наиболее характерных для россиян ценностей назывались: патриотизм (доминирующие упоминания у старшего и среднего поколения), моральные ценности (без раскрытия содержания). Респонденты до 40 лет перечислили свободу, права человека, патриотизм (примерно в равной пропорции).

Политические ценности свободы слова, политического плюрализма, свободы передвижений не являются приоритетными для респондентов. 75 % опрошенных готовы ими поступиться, если того требует политическая обстановка или это будет необходимо для решения государственных задач.

Основные каналы информации

В качестве основного источника информации о ходе СВО 60 % респондентов старшего и среднего возраста называли личные контакты

с родственниками и друзьями, а также интернет, telegram-каналы (молодое поколение). Треть опрошенных среднего возраста получает информацию через телевизор. Примечательно, что блокировка ряда зарубежных социальных сетей не стала сильным разочарованием для респондентов. Объясняется это тем фактом, что, во-первых, практически все выразили уверенность во временности такого решения, а во-вторых, среди участников группы преобладали представители старшего и среднего поколения, среди которых пользователей данных соцсетей не так много. Среди негативных сторон данного решения чаще всего называлось сужение возможностей для ведения бизнеса, личного продвижения и распространения информации.

Видение образа будущего

Люди среднего и старшего возраста чаще апеллируют к чувству сострадания к соотечественникам, к жителям Донбасса, служащим ВС РФ. Конструкция их будущего выстраивается вокруг радости от успехов, ожидания победы и нормализации жизни. Респонденты видят главную силу России в её народе, силе преодоления. Источники развития экономики страны участники фокус-групп видят в продаже природных ресурсов, развитии ВПК, исторических традициях и крепком духе россиян, при этом промышленность, социальное обеспечение, научно-техническое развитие, образование в ответах не фигурируют. Развитие страны, по мнению опрошенных, замедляют коррупция, бюрократия, слабый общественно-властный диалог, ошибки политического менеджмента [6].

Никто из респондентов не смог сформулировать видение среднесрочной и долгосрочной перспективы, только фразы общего характера («*всё будет хорошо*» или «*ничего хорошего*»). Так или иначе, но 80 % опрошенных формулируют запрос на мир, но понимают, что переговоры (на декабрь 2022 года) маловероятны («*Все здесь хотят мира, но Украина несамостоятельна в принятии решений. Запад не готов сейчас вести переговоры. Еще не все вопросы решены. Видимо, должно быть больше разрушений и смертей, чтобы начать переговоры*», «*Наша страна давно предлагает переговоры, но часто нас обманывали. После таких переговоров войска ушли из-под Киева, а затем было отступление в Харьковской области, поэтому путь переговоров пока невозможен*»). Респонденты также не смогли дать прогнозы по завершению СВО, ссылаясь на непредсказуемость её исхода. Продолжительность спецоперации в оценках респондентов ранжируется от не-

скольких месяцев до 5 лет, по результатам – от нахождения компромисса до победы России.

При этом лейтмотив высказываний сводится к надежде, что политики придут к решению этого и других вопросов дипломатическим путем (*«Хотелось бы видеть политиков, которые умеют разговаривать и договариваться друг с другом»*). Однако нестабильность и непредсказуемость текущей международной обстановки у трети респондентов рождает самые мрачные опасения (*«Ничего исключать нельзя. До последнего никто не думал, что начнётся конфликт с Украиной, а он начался»*). Примечательно, что 100 % респондентов-женщин поддерживают проведение СВО, а среди мужчин встречаются самые разные, в том числе полярные, мнения (*«Готовить тех, кто ранее служил и может помочь нашей армии сейчас»*).

По внутривнутриполитическому контуру все респонденты ожидают некоторых изменений (в первую очередь кадрового характера) в политическом и военном руководстве страны. Точные фамилии они затрудняются называть, но смену президента страны не ожидают. В экономике предполагается продолжение курса на изоляцию и импортозамещение, но введения плановой экономики или карточной системы респонденты также не ожидают, рыночные механизмы продолжают действие.

Большинство респондентов ожидают дальнейшего усиления цензуры и борьбы с несогласными, в том числе в интернет-пространстве (*«Будет усиление цензуры и давление на СМИ. В экономике ожидается полный изоляционизм. Плановой экономики, как в СССР, наверно, не будет, но что-то среднее, видимо»*). Вместе с тем проблема закрытия либеральных СМИ и усиления цензуры для большинства участников не представляет интереса: они не считают это значимой проблемой.

Все респонденты отмечают, что «отыграть назад», т. е. вернуть ситуацию к моменту до начала специальной военной операции, уже не удастся, но, по мнению большинства, это и не нужно.

В оптике фокус-группы конфликт России и Украины является проявлением скрытого противостояния со странами Запада, который, по мнению респондентов, является главным виновником текущих событий (*«Запад виноват, но он ещё вернётся к нам. Только будут ли они нужны нам?»*).

Четверть респондентов подчеркивает, что санкционные ограничения и международная изоляция России приведут к замедлению её развития, поставив в один ряд с Ираном и другими странами, находящимися в схожей ситуации (*«Запад виноват, да, но нас тоже ждёт судьба»*).

Ирана»). Парадоксально, но все респонденты при этом не рассматривают западные страны в качестве угрозы для территориальной целостности и государственности России, надеясь, что в будущем хотя бы экономические контакты будут возобновлены, пусть даже и не на прежнем уровне.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённое исследование позволяет сделать ряд выводов.

1. Оценка уровня социально-экономического развития России в ответах респондентов менялась в течение года. В начале СВО под воздействием информации о лавинообразном росте санкций и отчасти под влиянием ряда оппозиционных СМИ и других источников информации у населения сложилось алармистское восприятие перспектив развития экономики. Доминировали убеждения о неизбежной инфляции, росте цен, безработице и возможном товарном дефиците на многие виды продукции. Но к концу года такие настроения смягчились, во многом потому что российская экономика, особенно её частный сектор, продемонстрировала имеющийся потенциал сохранения ресурсов. Несмотря на значительную инфляцию и рост цен, относительно роста безработицы и товарного дефицита на основные продукты у людей опасений нет.

2. Предполагаемое количество сторонников и противников СВО с течением времени остаётся стабильным – большинство людей не изменили своей позиции по этому вопросу, что, вероятно, объясняется не только отношением к конкретному процессу (в данном случае к спецоперации), но и сложившимися идеологическими убеждениями (патриотическими, националистическими, консервативными, либеральными, пацифистскими и т. д.), что и диктует то или иное восприятие действительности.

3. Российское общество демонстрирует высокий уровень ценностных расколов по социально-демографическому принципу (молодёжь – пожилые и мужчины – женщины (в несколько меньшей степени)). У значительной части лиц среднего и старшего возраста присутствует запрос на усиление цензуры и даже на введение смертной казни, но для молодёжи и лиц в возрасте 30–45 лет такие требования нетипичны. Одновременно в обществе нет запроса на репрессии по отношению к уехавшим за границу гражданам или по отношению к деятелям культуры – противникам СВО. Большинство граждан их осуждает, но это осуждение морально-этического характера, не трансформирующееся в требование правового преследования.

4. В течение 2022 года российское общество показало высокий уровень трансформации общественного сознания. По ряду вопросов за несколько месяцев оно изменилось на 180 градусов, что подтверждает гипотезу о высоком уровне зависимости общественных настроений от текущей политической и социально-экономической ситуации.

5. Фокус-группы в регионах демонстрируют сокращающийся горизонт планирования, что отражается и на степени тревожности россиян, и на динамике экономической жизни страны. Подавляющее большинство жителей страны живут «одним днём» и не стремятся инвестировать ресурсы в экономику страны. Образованная часть молодёжи пребывает в растерянном и апатичном состоянии, выбирает краткосрочные жизненные и карьерные стратегии исходя из ситуативных факторов. Вместе с тем адаптивная настройка россиян активировала традиционную жизнеутверждающую поведенческую установку («*прорвемся*», «*выживем*»), которая позволяет выживать в трудные времена.

Библиография/References:

1. Евдокимов Н. А., Шаяхметов А. М. 2022: динамика российской экономики в условиях санкционной и международной изоляции // Экономика и управление: научно-практический журнал. – 2022. – №5 (167). – С. 14– 18.

2. Зубаревич Н. В. Регионы России в новых экономических условиях // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2022. – №3 (55). – С. 226 – 234

3. Нестик Т. А., Задорин И. В. Отношение россиян к глобальным рискам: социально-демографические и психологические факторы восприятия угроз // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — 2020. — № 5. — С. 4—28.

4. Рогач Н. Н., Шаяхметов А. М., Яковлева Е. А. Кризис как фактор восприятия региональных лидеров (на материалах Москвы, Республики Башкортостан и Краснодарского края) // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. — 2021. — № 4. — С. 76—92

5. Смулькина Н. В., Рогач Н. Н. Психологическое состояние россиян разного возраста: политико-психологический анализ // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. — 2022. — Т. 12. — № 2. — С. 138—147.

6. Шестопал Е. Б., Смулькина Н. В., Морозикова И. В. Сравнительный анализ образов своей страны у жителей российских регионов // Сравнительная политика. — 2019. — Т. 10. — № 3. — С. 74—94.

7. Современный российский регион: общественно-политические и

социально-экономические процессы / Р. Ф. Латыпов, Ю. Н. Дорожкин, И.В. Фролова [и др.]. Уфа: Башкирская академия государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан, 2014. — 193 с.

1. Evdokimov, N. A., Shayahmetov, A. M. (2022) 2022: dinamika rossijskoj ekonomiki v usloviyah sankcionnoj i mezhdunarodnoj izolyacii [2022: dynamics of the Russian economy in the context of sanctions and international isolation] // *Ekonomika i upravlenie: nauchno-prakticheskij zhurnal* [Economics and management: scientific and practical journal]. № 5 (167). P. 14—18. (In Russ.)
2. Zubarevich, N. V. (2022) Regiony Rossii v novyh ekonomicheskikh usloviyah [Regions of Russia in the new economic conditions] // *Zhurnal Novej ekonomicheskoy associacii* [Journal of the New Economic Association]. № 3 (55). P. 226—234. (In Russ.)
3. Nestik, T. A., Zadorin, I. V. (2020) Otnoshenie rossiyan k global'nym riskam: social'no-demograficheskie i psihologicheskie faktory vospriyatiya ugroz [Attitude of Russians to Global Risks: Socio-Demographic and Psychological Factors of Perceiving Threats] // *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny* [Monitoring Public Opinion: Economic and Social Changes]. № 5. – P. 4—28. (In Russ.)
4. Rogach, N. N., Shayahmetov, A. M., Yakovleva, E. A. (2021) Krizis kak faktor vospriyatiya regional'nyh liderov (na materialah Moskvy, Respubliki Bashkortostan i Krasnodarskogo kraja) [The crisis as a factor in the perception of regional leaders (on the materials of Moscow, the Republic of Bashkortostan and the Krasnodar Territory)] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki* [Bulletin of Moscow University. Series 12: Political Science.]. – № 4. – P. 76—92. (In Russ.)
5. Smul'kina, N. V., Rogach, N.N. (2022) Psihologicheskoe sostoyanie rossiyan raznogo vozrasta: politiko-psihologicheskij analiz [The psychological state of Russians of different ages: political and psychological analysis] // *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta* [Humanitarian sciences. Bulletin of the Financial University.]. Vol. 12. – № 2. – P. 138—147. (In Russ.)
6. Shestopal, E. B., Smul'kina, N. V., Morozikova, I. V. (2019) Sravnitel'nyj analiz obrazov svoej strany u zhitelej rossijskih regionov [Comparative analysis of images of their country among residents of Russian regions] // *Sravnitel'naya politika* [Comparative policy]. – Vol. 10. – № 3. – P. 74—94. (In Russ.)

7. Sovremennyj rossijskij region: obshchestvenno-politicheskie i social'no-ekonomicheskie process [Modern Russian region: socio-political and socio-economic processes] / R. F. Latypov, YU. N. Dorozhkin, I.V. Frolova [i dr.]. Ufa: Bashkirskaya akademiya gosudarstvennoj sluzhby i upravleniya pri Glave Respubliki Bashkortostan, 2014. – 193 p. (In Russ.)